

Явные изменения начались с того момента, как срок моей оставшейся жизни перевалил отметку в пятьдесят дней.

Как я и говорил раньше, было полно людей которые обвиняли меня за мои действия, и для которых я стал знаменит... знаменит своей печальной репутацией. Это большинство, видя, как я счастливо веду разговоры с невидимкой - говорили разные гадости, причем достаточно громко, чтобы их слышали все.

Разумеется, не мне было жаловаться. В первую очередь я сам вызывал у них чувство недовольства.

Однажды в баре, я привлек внимание трех человек. Они были шумны, взгляды их были едки, и они ловили каждый момент, чтобы показать себя более жестокими. Учитывая их количество и рост - я прекрасно понимал, что с ними надо быть осторожнее.

Скорее всего от скуки, увидев как я разговариваю с пустующим местом возле себя, они решили подсесть ко мне и попытаться спровоцировать.

Возможно, когда-то я бы мог встать и попытаться что-то ответить им, но сейчас мне не хотелось тратить на это энергию. Потому я просто ждал, когда им надоест.

Тем не менее, они не хотели успокаиваться и, видя, что я не отвечаю, стали наседать еще активнее.

Я хотел было уже уйти, но учитывая, сколько они здесь просидели - времени у них много, и они могли запросто последовать за мной.

- Это проблематично, - сказала Мияги, с беспокойством глядя на меня.

Переживая о том, что мне стоит предпринять, я услышал позади себя голос:

- Хаа? Кусуноки, это вы?

Это был мужской голос. Я не мог вспомнить никого, кто бы так со мной разговаривал и одно это меня уже удивило. Однако то, что он сказал дальше, просто лишило меня дара речи:

- Сегодня вы снова с Мияги?

Я обернулся, чтобы посмотреть кто это. И я действительно знал этого человека.

Это был мой сосед. Мужчина, всегда бросавший на меня беспокойные взгляды, когда видел как

я разговариваю с Мияги.

Насколько я помню, его звали Шинбаши.

Он подошел ко мне, и обратился к одному из пристававших:

- Я очень извиняюсь, но не могли бы вы освободить место?

Пусть слова его были вежливы, но своим тоном он прямо отдавал приказ.

Шинбаши был около двух метров ростом, и смотрел на свою жертву так, словно привык угрожать людям. Человек не заставил себя ждать и быстро ретировался.

Сев, Шинбаши заговорил... но не со мной, а с Мияги.

- Я часто слышал о вас от Кусуноки, но лично, мы еще не знакомы. Рад нашей встрече. Меня зовут Шинбаши.

Мияги застыла от шока, но Шинбаши, как будто получив ответ кивнул:

- Да, всё верно. Для меня большая честь, что вы помните. Мы часто встречались возле квартиры Кусуноки.

Это нельзя было назвать беседой, и потому становилось ясно - Шинбаши таки не мог видеть Мияги.

Возможно, этот мужчина просто «притворяется» что может видеть ее.

Парни докучавшие мне, похоже, не хотели связываться с ним, и уже готовы были свалить. И как только троица исчезла, Шинбаши с облегчением вздохнул, и выкинул свою вежливую улыбку, заменив ее привычным, мрачным взглядом.

- Позволь для начала пояснить, - начал он. - Не факт, что я действительно верю в существование этой девушки под именем "Мияги".

- Знаю. Ты просто решил помочь, а? Прими мои благодарности.

- Нет, - покачал он головой. - Даже не это.

- Тогда что?

- Ты можешь не принять этого, но... по крайней мере, это мое мнение. Я видел, как ты устраиваешь что-то вроде представления, стараясь заверить как можно больше народу в том, что "Мияги" на самом деле существует. Своей совершенной актерской игрой, ты пытаешься доказать что рассудок людей можно помутить... И в какой-то степени, тебе это удалось.

- Ты хочешь сказать, что чувствуешь существование Мияги?

- Мне не нравится это признавать, но это так, - согласился Шинбаши, пожимая плечами. - И пока я нахожусь в подобном состоянии, мне хочется лучше понять изменения внутри себя. Мне интересно, смогу ли я увидеть Мияги, если как ты настаиваешь, буду верить, что она существует.

- Мияги... Она невысокого роста. У нее светлая, я бы даже добавил нежная кожа. Обычно у нее серьезный взгляд, но иногда она позволяет себе сдержанную улыбку. У нее немного плохо со зрением, поэтому, когда надо прочитать мелкий текст, она надевает очки в тонкой оправе, и они честное слово, очень ей идут. Ее волосы спускаются до плеч и, как правило, к кончикам завиваются.

- Интересно... - сказал Шинбаши, склоняя голову, - ...почему каждая подробность соответствует тому, как я ее себе представлял?

- Она сейчас прямо перед тобой. Почему ты думаешь, что это твое воображение?

- Я не уверен, - Шинбаши закрыл глаза и задумался.

- Она хочет пожать твою руку, поддержи ее немного, ладно?

Он подал руку, на лице при этом читалось сомнение вперемишку с верой. Мияги с радостью посмотрела на протянутую руку и обеими ладонями ухватила за нее.

- Можно ли верить в то, что это Мияги двигает мою руку? - спросил Шинбаши, глядя на свою покачивающуюся руку.

- Ага. Тебе может казаться, что ты сам двигаешь рукой, но на самом деле это делает Мияги. И похоже, что ее это очень радует.

- Можешь сказать ему: "Большое спасибо"? - попросила меня Мияги.

- Мияги просила передать тебе большое спасибо, - выполнил я ее просьбу.

- Я почему-то чувствовал, что она может... - начал он удивленно, но я прервал его.

- Не стоит об этом.

Через меня они пообщались еще немного.

Прежде чем вернуться за столик, где он сидел до этого, Шинбаши обернулся и сказал мне следующее:

- Сомневаюсь, что я единственный кто может почувствовать присутствие Мияги. Возможно, каждый осознает ее присутствие какое-то время, но отвергает его, как идиотскую иллюзию. Но если такое возможно... Интересно, если люди поймут, что они не единственные кто ощущает эту иллюзию - возможно, очень скоро они смогут принять существование Мияги. Разумеется, у меня нет никаких оснований считать это правдой, но я надеюсь что прав.

Шинбаши был прав.

Трудно в это поверить, но после того как Шинбаши покинул нас, люди вокруг стали признавать присутствие Мияги. Разумеется, это не значило, что они всерьез поверили в существование невидимки. Это больше походило на то, как люди молчаливо согласились с моим бредом и решили подыграть в этом спектакле.

Их признание Мияги не достигло уровня «будем считать, она и впрямь существует», и, тем не менее, это был большой прогресс.

Каждый раз как мы участвовали в городских мероприятиях - я становился немного известнее.

Как человек, который наслаждается сценическим счастьем, я был жалок и в тоже время забавен. Несколько человек, пришедших посмотреть на меня, даже пожали моей воображаемой подружке руку и обнимались с ней.

Однажды вечером, Шинбаши пригласил нас к себе.

- У меня на квартире осталось выпивка, и мне надо бы от нее избавиться прежде чем я уеду домой... Кусуноки, Мияги, не могли бы вы мне помочь?

Мы прошли в соседнюю дверь, и увидели троих, уже пьяных в стельку, друзей Шинбаши. Один парень, две девушки.

Они уже были наслышаны обо мне от Шинбаши, и стали задавать один вопрос за другим. Я отвечал всем вместе, и каждому по отдельности.

- Так что, Мияги щас здесь? - спросила Сузуми, высокая девушка с тонной макияжа, в пьяном состоянии пытавшаяся пожать Мияги руку.

- Сейчас, когда ты это сказал, я прям почувствовала ее.

Она не могла ничего чувствовать через прикосновения, но, возможно, присутствие Мияги все же не полностью выветрилось из ее головы. Последняя, мягко сжимала руку Сузуми.

Парень по имени Асакура, задал мне несколько вопросов о Мияги, стараясь поймать меня на нестыковках.

Однако, найдя что-то интересное в том, что все сошлось, он положил свою подушку на то место, где была Мияги, и подвинул ей стакан с алкоголем.

- Мне нравятся такие девушки, - сказал Асакура. - Наверное, даже хорошо что я ее не вижу, иначе я бы быстро в нее влюбился.

- Это не важно. Мияги любит меня.

- Не говори такого, - Мияги ударила меня подушкой.

Рико - маленькая девушка с изящными чертами лица, самая пьяная в этой комнате, обратилась ко мне прямо с полу:

- Кусноки, Ксуноки, пкажи нам, как сильно ты любишь Мияги! - сказала она, закрывая свои сонные глаза.

- Я тоже хочу посмотреть, - высказалась Сузуми. Асакура и Шинбаши просто ожидающе глядели.

- Мияги, - позвал я.

- Да?

Я поцеловал ее, отчего та слегка покраснела. А пьяная компания воплями одобрила мои действия.

Я сам был поражен абсурдностью того, что сейчас сделал. Никто из этих людей, на самом деле не верил в существование Мияги.

Они, должно быть, думали обо мне, как о свихнувшемся счастливом идиоте.

Но разве это не так?

Этим летом, я стал лучшим клоуном этого города. Хорошо это или плохо.

С тех пор, прошло несколько дней. Стоял солнечный день.

Раздался дверной звонок, и я услышал голос Шинбаши. Когда я открыл дверь, он что-то бросил мне. Я поймал это, и увидел ключи от машины.

- Я отправляюсь домой, - сказал он. - Поэтому, она мне пока что не нужна. Если хочешь, можешь взять ее. Как тебе идея, прокатиться с Мияги на пляж или в горы?

Я благодарил его снова и снова.

Уходя, Шинбаши сказал:

- Знаешь, я просто не могу разглядеть в тебе лжеца. Я не могу поверить, что Мияги всего лишь продукт твоего отыгрыша... Может, случайно появился мир, который можешь видеть лишь ты. Может мир, который видим мы, лишь небольшая часть - то, что нам дозволено видеть.

Проводив взглядом уезжающий автобус, я посмотрел в небо.

Как и всегда, солнечный свет кружил голову. Но в воздухе, витал слабый отпечаток осени.

Тсукутсуку -Боуши(цикады) плакали все сразу, ознаменовав этим конец лета.

Ночью я спал с Мияги. Граница между двумя половинами кровати, в какой-то момент пропала.

Мияги спала, повернувшись ко мне лицом. Она мирно сопела, прямо как ребенок. Я обожал ее спящее лицо. Никогда к нему не привыкну, и никогда от него не устану.

Я встал с кровати, стараясь не разбудить ее. Попив немного воды на кухне, я вернулся в комнату, и увидел дневник на полу, перед дверью. Я взял его, вышел из комнаты, включил свет, и медленно открыл на первой странице.

Здесь было куда больше рисунков, чем я ожидал.

Зал ожидания на станции. Ресторан, где я встречался с Нарусе. Начальная школа, где была захоронена капсула времени. Наша с Химено секретная база. Комната, утопающая в бумажных журавликах. Старая библиотека. Ларьки летнего фестиваля. Набережная, по которой мы гуляли за день до встречи с Химено. Обзорная площадка. Общага, в которой мы заночевали. Мой мопед. Кондитерская. Торговый автомат. Телефонная будка напротив кондитерской. Звездное озеро. Старая книжная лавка. Лебединая лодка. Колесо обозрения.

И спящий я.

Я перевернул на чистый лист, и в отместку стал рисовать спящую Мияги.

Наверное, оттого что я еще не до конца проснулся - я совершенно забыл о том, что не рисовал уже пару лет. Я не останавливался, пока не закончил.

Искусство, которое как я думал, может только расстраивать.

Посмотрев на законченную работу, к своему удивлению, я был полностью удовлетворен. Однако, все же было ощущение, будто что-то не так.

Это было легко упустить. Оно было настолько незначительно, что подумай я о чем-то другом, и это чувство полностью исчезнет.

Я вполне мог проигнорировать это чувство, закрыть дневник, и завалиться спать, с удовольствием предвкушая реакцию Мияги утром.

Но у меня была какая-то уверенность.

Я сконцентрировался, насколько вообще мог, напряг все свои чувства в поисках источника неправильности.

Я потянулся к нему, как к письму в бутылке, плавающему в черном штормовом море, но моя рука соскользнула, когда я попытался схватить его.

Спустя несколько десятков минут, когда я уже сдался и отдернул руку, оно само заплыло в мою ладонь.

Я очень, очень осторожно вытащил его из воды. И тут я понял.

В следующий миг, словно одержимый, я принялся двигать карандашом по бумаге.

Я рисовал всю ночь.

Несколько дней спустя, я повел Мияги посмотреть на фейерверки. Идя по тропинкам, проходя через железнодорожные пути и торговый район мы, наконец, вышли к начальной школе.

Это лучшее место для просмотра, и как оказалось - фейерверк большое дело для людей этого города. Их здесь набралось столько, что впору задаться вопросом, как они все здесь помещаются.

- Это же Кусуноки! - засмеялись дети, увидев, как я иду, держась с Мияги за руки.

Чудак популярен даже среди детей. В ответ на их смешки, я поднял руку, которой держал Мияги, приветствуя их.

- Какая у тебя девушка! - поддразнили меня подошедшие старшеклассники, пока мы стояли в очереди за курицей.

- Замечательная, верно? Хотя, у тебя все равной такой никогда не будет, - заявил я, обнимая Мияги за плечо, после чего они заржали.

Это сделало меня счастливым. Даже если они не верят, все наслаждаются моим бредом. Было гораздо лучше представлять, что у меня есть воображаемая подружка, чем думать, что я действительно один.

Сообщили, что представление начинается, и через несколько секунд, появился первый фейерверк.

Оранжевая вспышка заполнила небо, толпа рукоплескала, и до нас, наконец дошел запоздалый звук взрыва.

Я давно не видел фейерверков так близко.

Если сравнивать с тем, как я их себе представлял - они были намного больше, намного ярче, и исчезали намного быстрее.

Также, я забыл, что громадным фейерверкам хватает двух секунд, чтобы заполнить собой небо, и даже не представлял, сколько шума может наделать его взрыв.

Множество фейерверков взмыли вверх. Мы с Мияги лежали за зданием, где могли увидеть представление и побыть одни.

Внезапно, мне захотелось украдкой взглянуть на нее, и, сделав это в тот момент, когда небо зажглось очередным огнем, оказалось, что у нее были похожие мысли, и наши взгляды встретились.

- Мы хорошая парочка, - рассмеялся я. - Это ведь уже случилось. В постели.

- Что ж, так и было, - смущенно улыбнулась Мияги. - Однако на меня ты можешь посмотреть в любое время, сейчас в приоритете должны быть фейерверки.

- Между прочим, возможно, ты ошибаешься.

Может быть, мое время могло бы быть лучше.

Я буду лежать в свете фейерверков.

- Ну, тут ты прав, меня завтра не будет. Но я вернусь на следующий день. В отличие от прошлого раза, я отлучусь всего на день.

- Это не проблема.

- Тогда что является проблемой?

- Хей, Мияги... Я стал популярен в городе. Половина улыбок, что мне перепадает, это усмешки, но вторая половина происходит из чистой любви. Какими бы они ни были, я горд. Я был уверен, что такого ничего настолько хорошего со мной никогда не произойдет.

Я приподнялся и, положив руки на землю, посмотрел на Мияги.

- Когда я был в начальной школе, я ненавидел одного парня. Он был действительно очень умным, но скрывал это, и поступал как дурак, чтобы понравиться людям... Но недавно я пришел к пониманию. Я не мог не завидовать ему. Мне кажется, я хотел сделать то же самое с самого начала. И благодаря тебе, Мияги, я сделал это. Я наконец-то подружился с миром.

- Разве это плохо? - спросила Мияги, занимая ту же позу. - Так что ты на самом деле пытаешься сказать?

- Спасибо за все, наверное, - ответил я. - Я правда не знаю что сказать.

- И за все что произойдет, верно? - спросила Мияги. - У тебя все еще есть больше месяца. Кажется, рановато благодарить за "всё".

- Хей, Мияги? Помнишь, ты говорила, что хочешь узнать мое желание, и я обещал тебе рассказать, как только появятся подобные мысли.

Проследовали секунды паузы.

- Да. Я сделаю всё, что смогу.

- Хорошо. Тогда буду честен. Мияги, когда я умру, забудь обо мне все. Таково мое мелкое желание.

- Нет.

После мгновенного ответа, Мияги похоже догадалась о моих намерениях.

Она поняла, что я собирался сделать завтра.

- Эм... Кусуноки. Я уверена, что ты не сделаешь этого, но пожалуйста, не делай ничего глупого. Прощу тебя.

- Говоря об этом, - я покачал головой. - Кто бы подумал, что тридцати-йеновый я, так замечательно проживет оставшиеся дни? Скорее всего никто. Даже ты не могла этого понять, прочитав результаты моей оценки, или как оно там называлось. Я должен был жить хуже некуда, но вместо этого получил столько счастья. Получается, что твое будущее точно также неустойчиво. Наверняка появится кто-то надежнее, и сделает тебя намного счастливее.

- Не сделает.

- Но ведь и я никогда не должен был тебя встретить. Так чт...

- Никто не появится!

Не дав мне времени на ответ, Мияги повалила меня на землю. Ее лицо уткнулось мне в руку.

- Кусуноки... умоляю тебя.

Это был первый раз, когда я слышал ее плачущий голос.

- Умоляю, останься со мной хотя бы на этот последний месяц. Со всем остальным, я смогу смириться. С фактом, что ты умрешь, с фактом, что я не смогу видеть тебя в выходные, с фактом, что остальные не видят наших ухватившихся друг за друга рук, с фактом, что более тридцати лет мне придется жить одной - все из этого. Так что, по крайней мере сейчас... по крайней мере пока ты со мной - не разбрасывайся собой. Я прошу тебя.

Я поглаживал ее по голове, пока она рыдала.

Вернувшись домой, мы уснули ухватившись друг за друга.

Ее слезы не останавливались до самого конца.

Мияги покинула квартиру в середине ночи.

Мы вновь обнялись у входной двери, и она попрощалась со мной, своей одинокой улыбкой намекая на то, как ей грустно.

- Прощай. Ты сделал меня счастливой.

Сказав эти слова, она склонила голову и отвернулась.

Она медленно ушла в лунный свет.

Следующим утром, я направился к старому зданию, вместе с моим замещающим наблюдателем.

Место, где я впервые встретился с Мияги.

И здесь же я продал тридцать лет своей жизни.

По правде говоря, я хотел продать весь остаток. Но они не позволили продать мне эти последние три дня.

Наблюдатель, взглянув на результаты, пришел в полный шок.

- Ты пришел сюда, зная, что произойдет?

- Ага.

Женщина около тридцати лет, что проверяла меня, была явно сбита с толку.

- Я, честно, не могу вам рекомендовать... деньги ведь вам не нужны, верно? В конце концов... следующие тридцать дней вы будете рисовать картины, которые попадут в художественные учебники на долгие годы.

Она посмотрела на дневник, который я держал при себе.

- Послушай внимательно. Если ты сейчас просто уйдешь отсюда, то у тебя будет тридцать три дня на то, чтобы засесть за рисование. Все это время, твой наблюдатель будет с тобой, придавая тебе сил. Она совершенно не винит тебя, за твой выбор. А после смерти, твое имя будет навсегда занесено в историю искусства. Тебе ведь известно всё это, верно? Просто... что тебя не устраивает? Я не понимаю.

- Деньги бессмысленны если я умру, то же самое касается и славы.

- Тебе не хочется существовать вечно?

- Даже если я буду вечен в мире, где меня нет, радоваться тут нечему.

"Самые обычные в мире картины".

Так называли бы мои работы. И хоть они и вызывали большие споры, но всё равно продавались по высокой цене.

Однако, разумеется, когда я продал тридцать дней, то из "возможного" это превратилось в "никогда не случится".

Таковы были мои мысли. Может быть, в моей изначальной жизни, за длительный период времени, моя способность к рисованию действительно расцвела бы. И незадолго до этого, мне было предначертано потерять этот шанс из-за аварии. Однако, продав свою жизнь, и что важнее, имея Мияги во всей этой истории - я сильно сократил огромное количество времени. Благодаря этому, мой талант мог развиваться до того, как наступит моя смерть.

Таковы были мои мысли.

Раньше, я был одарен в рисовании. Я мог скопировать пейзаж, не хуже фотоаппарата, как будто для меня это был пустяк.

В галереях, я мог взглянуть на картину, и ясно понять, почему "здесь что-то не должно быть нарисовано так, оно должно быть нарисовано вот этак", и это нельзя было описать словами.

Мой взгляд на вещи не был полностью правильным. Но тот, кто знал меня в то время, не смог бы отрицать, что у меня невероятный талант.

Зимой, когда мне было семнадцать лет, я отказался от искусства. Я думал, что продолжая в том же духе, никогда бы не стал знаменитым, как обещал Химено. В лучшем случае, я мог стать "мастером на все руки", своего рода художником.

Хоть это и было бы большим достижением в глазах большинства, но чтобы исполнить обещание, нужно было что-то большее. Мне нужна была революция. Поэтому, я не позволил себе и дальше рисовать на эмоциях.

Следующий раз, когда я возьмусь за кисть, будет только тогда, когда все во мне соберется в единое целое. Пока я не смогу захватить мир, способом, совершенно непохожим на все остальные, я не позволю себе рисовать.

Таково было мое решение.

Может быть, само по себе такое решение не было ошибкой. Однако летом, когда мне было девятнадцать, мой взгляд на вещи до сих пор не сформировался и, поспешив, я вновь взялся за кисть.

Мне не пришлось долго ждать понимания – я ни в коем случае не должен сейчас рисовать.

Как результат – я потерял свои способности к рисованию. Я не мог изобразить даже яблока. Как только я хотел что-то нарисовать, меня переполняло чувство замешательства. На меня нападала тревога, как если бы я собирался шагнуть из летящего самолета. Я больше не чувствовал, какие линии и цвета мне нужны.

Я понял, что потерял свой талант. Более того, у меня не было никакого желания бороться, чтобы вернуть его. Было слишком поздно, что-то начинать с нуля. Я выбросил свою кисть, сбежал от всего, и спрятался в себе.

В какой-то момент я отчаялся настолько, что не смог поверить, что мое искусство кто-то примет. Мне кажется, что это было основной причиной моего замешательства.

Пытаться рисовать, угождая всем подряд – было одной из серьезнейших моих ошибок. Когда она достигла своего пика, сложилась такая ситуация, что рисовать было невозможно.

Универсальность – это не то, что может снискать благосклонность людей. Вы получаете ее, когда уходите глубоко в себя, и приносите оттуда что-то невиданное, что-то, что удивит даже с первого, пускай и поверхностного взгляда.

Мне нужно было отстраниться от всех забот, и просто рисовать в свое собственное удовольствие.

И Мияги была той, кто дал мне такую возможность. Используя ее как свою музу, я мог «рисовать» абсолютно иначе, чем было раньше.

Я провел всю ночь, рисуя пейзажи, те самые, которые представлял каждую ночь, начиная с пяти лет.

Мир в котором я хотел жить, воспоминания которых у меня никогда не было, места где я никогда не бывал, время которое могло быть как прошлым, так и будущим.

Я даже не осознавал того, что уже давно накапливал все это. И рисунок Мияги, заставил меня понять, как это выразить.

Наверное, я ждал этого момента. Пусть на пороге смерти, но мой талант достиг совершенства.

По словам женщины, проводившей мою оценку – даже сам де Кирико, назвал бы мои картины слишком сентиментальными.

Это все что она мне сказала насчет моих картин, но это описание очень похоже на то, что я делаю.

Продажа отрезка жизни, в котором я нарисовал бы картины, увековечившие мое имя в небольшом уголке истории, принесла мне такую смехотворную сумму, что я даже начал было сомневаться в своем зрении.

Тридцати дней было слишком мало, чтобы полностью погасить долг Мияги. Тем не менее, это сократит срок ее работы до трех лет.

- Тридцать дней, которые дороже тридцати лет, а? – уходя, рассмеялся наблюдатель.

Именно поэтому я отрицал вечность.

Лето, предсказанное Химено, приближалось к концу.

Ее предсказание оказалось наполовину ошибочным.

В конце концов, я так и не стал ни богатым, ни знаменитым.

Но на вторую половину, оно оказалось верным.

"Что-то действительно хорошее" произошло, все верно. И как она сказала, в глубине души я был "рад, что я жил".

Авторы перевода – Rathief (в составе команды Kraken), Voiceover

<http://tl.rulate.ru/book/367/219297>